

Борис ЧЕРНЫХ

”ПРОКАЖЕННЫЙ”

«Прокаженный» живет в районе одноэтажных построек начала века. Это та окраина, о которой поэт написал:

*Околица родная, что случилось?
Окраина, куда нас занесло?
И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село...*

Но у «Прокаженного» дом, слава Богу, крепкий, а двор полон древесного хлама — топи печь с зари до зари, пережидай зиму, а тут и весна пожаловала, лето...

«Прокаженного» звать Владимир Михайлович Шатков. Деда его — известные в Благовещенске кожевники. Я видел прежнюю усадьбу артельных мастеров на берегу Зеи, неподалеку от загородной дачи амурского золотопромышленника Левашева. Когда Левашев ездил за кордон, он заказывал Шатковым партию чемоданов из телячьих шкур и выгодно сбывал в Мукдене или в Харбине. Владимир Михайлович с гордостью показал семейную реликвию — в серебряных заклепках с ремнями чемодан; теперь этакую красоту в местных магазинах не увидишь.

В. М. Шаткову шестьдесят один год. Судьба состоялась, прошлое, еще горячее на ощупь, готово кануть и стать былым, изжитым; но ежемесячно в родовое гнездо приезжают врачи — они по номиналу только врачи, — чтобы напоминать страдальцу, что он не от мира сего. Со склоненной выей Шатков вообще-то обязан сам являться в психушку, но осмелел и принимает отвратных (он назвал — «страмотных») гостей на дому. Так тянутся его последние годы — угрюмо и поднадзорно, и жизнь, как она есть, состоит в томительном ожидании урочных посетителей: вот скрипнула калитка, взлаял пес — идут, идут по душу его истрадавшуюся.

Болен ли он? И как давно заболел, если болен?

Да, Шатков болен. Я говорю это, взвесив на ладонях то, что сбылось и что ныне дееется с ним. У Шаткова больная совесть. Больная совесть — забытая почти нравственная категория, категоричность ее разделялась лишь теми, кто чужие и посторонние беды воспринимал лично, как беды собственные, кому стыдно было за все, что унижало Отечество. В отжитую эпоху современники перемогались как могли, но очнулись и припали к роднику, названному Правдой в апреле 85-го года. Шатков не судит современников суровым судом, но ему стало больно за Отечество раньше, в семидесятых. Впрочем, и в шестидесятых прокалывало сердце — когда наши танки раздавили Пражскую весну, когда брат родной, георгиевский кавалер, однажды заплакал, узнав, как делают героя и маршала войны из штабной посредственности.

Владимир Михайлович Шатков всю жизнь служил моряком и капитаном, довелось и лоцманом водить суда по Амуру и Охотскому морю. Он был безупречным на службе, получал благодарности; да и, казалось,

какое дело моряку до вседержавных проблем, но, когда матросы на собраниях требовали ответа на жгучие насущные вопросы, Шатков единственный из командного состава вел с подчиненными прямой диалог. Начальство увещевало капитана, а он посмеивался с мостика, уходя в очередной рейс.

Я пощипываю себя: в самом ли деле передо мной экземпляр столь цельной породы, персонаж классический, правдолюбец почти из XVII века, способный не только к глубокому сопереживанию, но и к поступку, более романтическому, нежели прагматическому?

Увы, все так — передо мной подлинный подвижник, теперь физически разбитый, но нравственно не сломленный. Чашу его терпения переполнила афганская авантюра. Тысячи отцов смиренно (в душе страдая) отдали детей под исламские пули. У Владимира Михайловича выросла дочь и подрастал сын (сын и дочь оставили мать при разрыве родительского союза и выбрали отца — штрих красноречивый, свидетельствующий в пользу Владимира Михайловича). Шатков уходил в очередной рейс, и тяжкие думы сопровождали его у чужих причалов, в чужих портах. Он понимал многое из того, что неведомо ленивым умам. Так, с ужасом он подсчитал однажды миллионные убытки, когда Николаевский порт, послушно выполняя волю спецслужб, отказал Шаткову в лоцманской проводке караванов, и десятки судов с полными трюмами стояли у Стенки. Чем же прогневал В. М. Шатков спецслужбы? Да на профсоюзной конференции выступил с обоснованной критикой державно организованной бесхозяйственности. Потом написал в «Известия» дерзкие предложения сделать открытой для местной торговли и обменов границу по Амуру. Письмо его необъяснимым образом вернулось назад и стало очередным компроматом в устах одиозных лиц. По нынешним, хотя и смутным временам поступки в пределах гражданской нормы. А тогда — в конце семидесятых — Шаткова затаскали по инстанциям, пока начальник Николаевского порта прямо не заявил: «Плохи твои дела, Владимир Михайлович, госбезопасность выслеживает каждый твой вздох. И зря ты экипажу говоришь о дурном твоём отношении к войне в Афганистане».

А тут сын Анатолий окончил школу. Поступит ли он в институт, не поступит — армия обеспечена. Лихим старшиной вернулся некогда с военного флота сам Владимир Михайлович и полагал, что и сыну не во вред пошла бы служба. Но в условиях 1980 года проводить в солдаты означало отдать сына на чужбину. И мало того, что в него, Толю, направят оружие мусульмане, но и он, Толя, обратит оружие против них.

Владимир Михайлович мучительно размышлял, как быть, и принял горестное решение. 9 июля, взяв сына в рейс, на 325-м километре от Хабаровска (вверх по течению) Шатков оставил в каюте записку: «Ухожу и увожу сына в знак протеста против войны в Афганистане. Не хочу, чтобы сын погибал из-за дури руководителей страны». Они надели пробковые пояса и сошли в амурские волны с борта своего судна...

Китайцы приняли беглецов, дали обсушиться и обогреться, напоили зеленым чаем. Потом подросли пограничники и переводчики. Шатков объяснил мотивы перехода границы, военные, кажется, поняли. Шатковых увезли в глубь страны, в Харбин, и почти полтора года держали под психологическим прессом. Одно красное знамя развевалось перед другим, а тайные службы — взаимно — не верили простым людям и обыденным, хотя и возвышенным, мотивам их поведения. Милосердие? Красный крест? Э-э...

Однажды Шатковы поняли, что вокруг творится какой-то переполох и ужесточился режим содержания. Оказалось, два офицера Китайской народной армии бежали в Советский Союз; тут обе стороны закусили удила — тем и другим захотелось обменять беглецов.

Обмен состоялся. Шатков-старший на первом же допросе взял всю вину на себя, правдиво изложив причины ухода на чужбину: полное отрицание лживого режима брежневщины и бескомпромиссное осуждение нашего вторжения в Афганистан.

Утечка информации шла своим ходом — из тюремных коридоров, из кабинетов, — и скоро весь Амурский флот и весь Благовещенск, затаив дыхание, следили за беспрецедентным поединком, и многие громко сочувствовали Шатковым. В этих обстоятельствах судить отца и сына открытым судом за то, что ранее, до революции, вообще не каралось законом, ибо граница была открытой, оказалось невозможно.

психически здорового человека принудительно заставляли принимать горстями психотропные вещества. Родные и близкие не могли пробиться к Шаткову на свидание. Но, слава Богу, свежим ветром пахнуло из далекой Москвы. Шаткова «комиссуют», объявляя инвалидом, и приговаривают — как особо опасного психически больного — к ежемесячному посещению психоневрологического диспансера. Круг замкнулся, выпустив В. М. Шаткова из цепких объятий, но оставив заложником. Шатков — разумный и честный человек, но с разбитым сердцем (сердце надорвано годами пыток) — остается на попечении сына и брата в одиноком доме на окраине города.

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ — ИЮНЬ 1990 ГОДА

Экстрасенс Софья Голубых. Она не обещает чуда, но дает надежду всем верящим в него...



Тогда подполковник Благовещенского КГБ Л. В. Вовк вызвал к себе психиатров Ю. А. Андриенко и двух других — Шатков не запомнил их имена*; под диктовку Л. В. Вовка психиатры приняли решение повести Шаткова-старшего по кругам Дантова ада. Тут и далеко везти не надо: тюрьма-психушка в черте города.

Младшего же Шаткова закрытым заседанием гуманнейший суд приговорил к лишению свободы на два года.

Потянулись весны и зимы. Умиряли старцы генсеки. Само событие в городе обрастало легендами и небывлицами и, наконец, стало мифом. Что ж, отечественная разновидность социализма мифом питается.

Из Благовещенской тюрьмы с принудлением капитана Шаткова перебрасывают подальше, в Дубовку, что в окрестностях Свободного. Родные места. Здесь пятнадцатилетним мальчиком Владимир Михайлович отбывал срок в Бамлаге (вот начало судьбы). За что отбывал? Потеряв продовольственные карточки, мальчик не смог пойти в рейс матросом. Его схватили и «тройкой» приговорили к трем годам, он выжил благодаря тому, что оказался среди политических. «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство»...

Как рассказал мне Владимир Михайлович, в Дубовской психушке врачи Владимир и Людмила Булатские (брат и сестра) устроили ему нескончаемую пытку:

* * *

Я попытался встретиться с начальником областного КГБ В. М. Клецкиным, и встреча состоялась. Впечатление удручающее: ссылки на «незнание» (но тут же проговорка о том, что «слышал-де», хотя В. М. Клецкин прибыл пять лет назад в Благовещенск и контролировал ситуацию), упование на то, что «психиатры сами разгребут старые завалы». Но даже и мысли нет отречься от деяний Л. В. Вовка, а пресловутый Л. В. Вовк благополучно здравствует... где бы вы думали? Он защищает советских граждан от посягательств Фемиды, совмещая адвокатские обязанности с обязанностями замсекретаря партийной организации областной организации адвокатов. Перестройка по-амурски, так сказать.

Главный психиатр области В. Н. Михайлова отложила было нашу встречу до неизвестных времен. Но и тут я настоял на своем. Виктория Николаевна немедленно открестилась от грехов своих предшественников и заявила, что во всем виноват Ю. А. Андриенко (ныне покойный), но она считает пока проблематичным пересматривать черное дело, сотворенное по приказанию патристического ведомства.

Они не хотят сдаваться. Они выжидают время, медленно поворачивая его вспять, но при этом расточают респектабельные улыбки и клянутся реабилитировать всех, кто пострадал при... Сталине.

Я думаю, наступила пора называть по имени и нынешних гонителей, называть на миру, принародно.

* Их имена узнаны мной — Е. В. Лаврикова, Л. Ф. Трошенкова. — Авт.